

Володя Маллер и базар

В конце ноября 1942 года военная лихомань занесла меня со второй волной мобилизации российских немцев в трудармию под Челябинск в шахтёрский городок Копейск в так называемую „Спецконтору по тушению подземных пожаров“.

Известную роль и, честно сказать, немалую, в моей судьбе с почти первых же дней моего пребывания там сыграл некто Володя Маллер, латвийский еврей. Он был рижанином и эвакуировался из Риги в 1941 году перед самым захватом её немцами. Володя был плотным мощным мужчиной, работавшим в нашей кузнице молотобойцем. Не знаю почему, но он сразу обратил на меня внимание. Как-то незаметно мы сблизились, хотя он был значительно старше меня, было ему тогда лет сорок.

Пожалел ли он меня - в сущности беспомощного мальчишку двадцати с небольшим лет, подавленного всем случившимся, потерявшим почти всех родных в блокадном Ленинграде, оставшимся фактически одним на белом свете, оказавшимся в среде чужих ему и говоривших на своём диалекте сосланных немцев Поволжья, живущим на грошовую зарплату и скудном пайке военных лет в трудных условиях жестокой уральской зимы, - пожалел ли он меня просто по-человечески, как отец сына - не знаю. Его-то семья погибла там, и жена, и дети.

Конечно, Маллер был добрым и порядочным человеком, хорошо говорил по-немецки, и мы чаще общались с ним именно на немецком. Он говорил на балтийском диалекте, близком к хох-дойч, а значит, на том языке, на котором я разговаривал с детства. Володька как-то сразу раскусил мою порядочность и не боялся откровенно делиться и о своём прошлом, и о сегодняшних делах. А ведь это было тогда признаком огромного доверия. Любое неосторожно брошенное слово могло в ту пору решить судьбу человека.

Так вот именно Володя Маллер и принял глубокое участие в моей судьбе в те страшные годы.

- Послушай меня, - говорил мне он, - ты погибнешь здесь на свой паёк и зарплату. Базаром надо заняться. Подрабатывать надо. Иначе пропадёшь. Я тебе помогу, денег дам для начала. Потом отдашь. И вообще, можешь на меня рассчитывать.

Честному плательщику Володя давал займы сколько угодно, но требовал аккуратности возвращения. Я часто брал у него суммы, превышающие тысячи рублей. Я знал, что он давал и больше.

Так Маллер стал помогать мне и обучать премудростям базарных дел - по советской терминологии - спекуляции. Сам он был дельцом в полном смысле этого слова, видно, с пелёнок. Неудивительно: он же жил в буржуазной Латвии! И там его никто спекулянтом не называл. Он просто был торгашом.

Вот там-то он вершил дела посложнее. Проворачивал не такие сделки. Промышлял чуть ли не контрабандой, продавая краденых лошадей из Литвы. И Бог весть ещё что.

В Союз он ушёл с отступающими войсками, во-первых, как еврей, оставив всё имущество, жену и детей, а во-вторых, как негласный сотрудник НКВД, куда он устроился по знакомству и за деньги для спасения своей жизни. Латвия тогда была уже советской. И Володя нашёл себе здесь, в Копейской Спецконторе, хорошее место для жизни и работы.

Работа его в нашей кузнице в сущности была только формальным местом, прикрытием. Хотя сразу же оговариваюсь, чтобы не было превратного мнения о личности Маллера - работал он молотобойцем, как зверь! Постоянно был в списках лучших рабочих. Известен был своей добросовестностью. Его любили товарищи по работе и он пользовался большим авторитетом у администрации. Словом, был хорошим человеком во всех отношениях. Ни образования, ни специальности он не имел, но хорошо владел русским, еврейским, немецким и латышским языками.

Однако, основным поприщем его деятельности был базар и другого рода „забазарные“ махинации, которые он вершил. Сколько у Маллера было денег - никто, конечно, не знал. Но то, что „карманные деньги“ у него были - по нашим понятиям огромные - он и не скрывал.

У Володи был большой круг знакомых среди подобных ему дельцов разного уровня. И сделки были весьма разными. От мелочных, базарных, до крупных поставок товара - чуть ли не ящиками. Надо полагать, что и в обороте у Маллера ходили немалые деньги. Бывали случаи, когда он во время своих махинаций терял огромные по нашим понятиям суммы. Но он не

слишком расстраивался, выпивал лишнее пол-литра и, засучив рукава, приступал к новым комбинациям.

Типично еврейская ловкость и изворотливость всюду выручали его.

Маллер был готов в своих интересах идти против своих же товарищей-деляг и, пожалуй, не дрогнул бы снять последнюю рубашку со своего должника. Однако, от природы он был очень добрым человеком и для друга мог сделать много хорошего.

Если дело касалось пьянки - деловой пьянки! - он не жалел денег ни на вино, ни на закуску.

Одной из постоянных статей его дохода была торговля хлебом. Кстати, тогда многие выдержанные волевые люди сумели заняться этим прибыльным делом. Одна из сложностей такого рода торговли заключалась в том, что в голодные годы с мизерным пайком ты вынужден был ворочать массаами хлеба, а есть его практически не имел права. Позволить себе такую роскошь можно было только при наличии уже немалого капитала. А его надо было прежде всего создать, зачастую из ничего.

Буханка хлеба стоила тогда сто рублей. А для наглядности это можно сопоставить с моей зарплатой в 310 рублей в месяц, которую я стал получать после травмы руки на буровом станке в 1943 году. Значит, на базаре на месячную зарплату я мог купить три булки хлеба.

„Сущность“ торговли хлебом заключалась в том, чтобы тут же, на базаре, заранее по сниженным ценам скупить хлебные карточки, приобрести по ним потом хлеб, а продавать его уже „натурой“.

Карточки приобретались, как правило, на месяц вперёд, и именно это было выгодно, но, естественно, требовало большого оборотного капитала. В этом-то и была основная сложность для начинающего.

Если считать, что наиболее удобным для продажи количеством была, конечно, буханка (весов же не было, попробуй, оцени на глаз „кусок“! - покупатель не шёл на „куски“), то выходит, надо было в худшем случае - минимальном варианте - иметь возможность выкупать ежедневно для продажи килограммовую буханку хлеба, т.е. иметь ежедневный „возврат“ около ста рублей. В месяц - круглых три тысячи. Вот и считайте, сколько же надо было иметь оборотного капитала в месяц. В лучшем случае, полторы, а то и две тысячи рублей. Это имеется в виду только на приобретение карточек, что при моих-то заработках в Спецконторе составляло годовой доход! Теперь уже более наглядно можно себе представить, что без посторонней помощи начать свой „гешефт“ (дело) я, конечно бы, не смог.

Приобретение хлебных карточек на базаре в конце месяца было проблемой тоже далеко не из лёгких. Надо было в течение нескольких дней - а ведь мы работали! - умудриться найти и приобрести по сходной цене максимум карточек, не попавшись и не нарвавшись на облаву.

А карточки продавались разные. Продавали карточки всякие „доходяги“, в основном пацаны-ремесленники, которым позарез нужны были деньги сейчас, сегодня, чтобы с ходу купить себе что-нибудь пожрать... Голод доводил людей до этого. Поесть сегодня, сейчас, а завтра - завтра видно будет.

Но чаще всего эти мальчишки потом погибали. Это было началом агонии. Помочь им было нечем. И спасти тоже некому. А бывало, что до такой стадии доходили и взрослые. В нашем кругу спецконторских работников были и такие. Помню забойщика из Донбасса Кольку - фамилию позабыл - вместе с ним на буровой в разные смены работали. Он был чуть старше меня, лет 25-ти, бывший стахановец, значок у него даже был - или медаль. Не помню только, за какие дела он к нам попал, а не на фронт. Может, по болезни.

Так вот этот Колька - и судьбу-то его дальнейшую почему-то не помню - дошёл до ужаса. Страшный был, смерть ходячая, не умывался, в такой же грязной и драной одежде, всё что можно было из вещей продать - давно было продано. Всё это прошлое, давнее прошлое, и это описать трудно, а тем более сегодня понять. До чего же голод доводил людей!

Я на смену вышел. Сидит Колька на буровой у печки и вшей чешет. Картошку печёт: то ли украл где-то, то ли на ведро угля с буровой по соседству сменял.

- Колька, ты чего домой не идёшь? Сменили ведь.

- А чего я пойду? Тут теплее... В общаге холод. - Николай надрывно кашляет. - До утра тут погреюсь.

Это надо понимать - до его новой смены. Работа же у нас была двухсменная, по 12 часов.

Колька шелушит „печёнку“ такими же, как она чёрными пальцами и, обжигаясь, хватая губами рассыпчатую мякоть душистой картошки.

Грохочет колёсами буровой станок, поливая водой деревянные половицы нашей будки. Сосульки свисают со шлангов. Лёд намерзает на полу. Мороз пролезает сквозь щёлки между щитов нашей „вышки“, как профессионально называется наша будка. А в передней-то части наверху и крыши нет. Здесь стоит копёр и на нём блок с канатами, чтобы вытаскивать из скважины „буровой снаряд“ - колонну свинченных труб. А возле печки в брезентовой куртке, скрючившись в плотный комочек, дремлет Николай, довоенный забойщик-стахановец. Нам всё с гордостью медаль свою показывал. Так ведь, видно, и погиб.

Что уж говорить о пацанах-ремесленниках, которым и шестнадцати-то не было...

Вот такие и продавали свои хлебные карточки. Только им обычно карточки выдавались на декаду. Так что приходилось не брезговать и декадными. Потом удавалось в течение месяца „прихватывать“ и на следующие декады у людей – даже и у взрослых - уже потерявших всякую надежду, силы, скатившихся до последней ступени истощения и потери силы воли.

Продавались и другие карточки - с опаской, из-под полы - надёжным скупщикам, известным или знакомым дельцам и спекулянтам - ворованные. Профессиональные карманники и воры, которых было полно на базаре, промышляли и карточками. Этим воров надо было знать, чувствовать, угадывать. Это было ещё одно звено базарной цепочки.

И базар кипел. Продавали чёрт-те-что и чёрт-те-кто. Мы, штатные „базарники“, благо городской базар был под боком, иной раз за день по несколько раз там бывали. Знали в лицо друг друга. И всех этих профессиональных жуликов разного профиля тоже. Тут были и просто „честные“ перекупщики: купят у простачка какого-нибудь по дешёвке, а другому такому же простачку всучат в три дорога.

Были и другие. Работали уже группами. Один покупал или продавал, другие подторговывали: это уже были мошенники высокого класса. Продаёт одну вещь, а покупателю подсунет совершенно другую, которой грош цена. Покупает за настоящие деньги, пересчитывает их на глазах продавца, а продавец уйдёт с пачкой чистых бумажек, прикрытых сверху и снизу настоящей денежкой.

Я-то их знаю, этих ребят. Подглядываю и поражаюсь - до чего же ловкачи! Просто фокусники в цирке! Но страховка кругом обязательно капитальная. И опять же я их всех тоже знаю. Знаю, что все из одной компании. Но те, вспомогатели, ходят рядом, вида не подают. Сами вроде что-то покупают, прицениваются. А на самом деле дружка оберегают, страхуют. Надо будет - вступятся, невзначай ножку подставят, дорогу перекроют, горлом брать будут, пока дружок тягу даст, в толпе смешается.

Вот „слепые“ поют под гармонь - война кончится, и сразу все прозреют. Я их тоже хорошо знаю.

А вот и в игры азартные играют, дурачков заманивают. И опять компания. Сами меж собой играют. Ну и игра! Залюбуешься! Главный игрок - он играет, вроде, один за себя - играет с подставным „из публики“, который выходит совершенно „случайно“ из толпы. Игра азартная - туда-сюда. То один выигрывает, то другой. А подставной главного-то, ведущего, вроде бы отвлекает. Выигрывает второй „из публики“ - второй подставной. Обчешет главного до обалдения.

И делается это всё с единственной целью - завлечь какого-нибудь уже подмеченного заранее дурачка. Дурачок „клюёт“. А тот, который „выиграл“ до этого, незаметно в публику и - смешался. Но тут уже наготове другие. Они работают „на подначке“. Главный обычно подпитый, но делает вид, что поддат хорошо.

Сперва простачку дают хорошо выиграть, азарт разгорается, и если бы даже надумал уйти - те, что „на подначке“, плотным кольцом окружают - это их задача - и ускользнуть уже не дают. Беднягу обчищают до конца.

Должен признаться, хоть я и очень часто заглядывал на эти состязания, секрета этих „фокусников“ разгадать я не мог. Всё на виду - ясно, как день - и полнейший обман. Молодцы, ребята! Ну и облапошивали!

Да что там говорить - меня ведь тоже раз на первых порах „купили“ на часах. А было это так.

Я слонялся по базару в поисках пиджака - неожиданно получил премию к Новому 1947 году. Это было точно 31 декабря. Случайно подошёл к одной группе торгующих. Продавались карманные часы.

Продающий часы парень был пьян. Он торговался с мужчиной, довольно прилично одетым, с видом знатока рассматривающим часы „со швейцарским механизмом на шестнадцати камнях“.

Часы, видимо, ему очень нравились. Он предлагал за них 425 рублей вместо 500 запрашиваемых. Продавец соглашался отдать их за 450. А за 425 рублей он мог отдать их любому покупателю!

А может, вообще его считают пьяным и неспособным разбираться в часах? Извините, он уж не так пьян, чтоб за бесценок отдать такие часы! Покупатель настаивает, лезет в карман, достаёт пачку денег, начинает их отсчитывать. Но продавец упорствует.

- Тебе не отдам! Вот ему, - говорит он, указывая на оборванного парнишку, у которого по виду и пятёрки-то нет, - ему за сотню отдам! А ему, - он указывает на меня, - за 300 рублей отдам.

„Сегодня возьму за 300, завтра продам за 400“, - мелькает у меня в голове.

- Чего зря мелешься? - говорю я вслух.

Меня поддерживают окружающие. Пьяный куражится, злится, потом убеждённо утверждает, что у меня и денег-то нет. Я достаю бумажник и торжествующе вынимаю деньги. Пьяный поражён. Даже делает вид, что хочет улизнуть. Но публика смеётся и подзадоривает. Мне и невдомёк, что это его „подставные“ дружки! Пьяный машет рукой, плюёт, возвращается и отдаёт мне часы.

Боясь какого-нибудь мошенничества, я прячу часы в карман и поспешно ухожу. По дороге домой я даже не решаюсь вынуть часы - краденые, может! Может, кто-то за мной и подглядывает уже?

Только подходя к дому, я решаюсь посмотреть на часы и убеждаюсь, что внешне они уж и не так прекрасны. И стрелка из жести даже смахивает на самодельную.

„Но видно, ценность в механизме“, - решаю я. Дома оказывается, что стрелки вообще не движутся и почти сразу же отваливаются. Часы только подозрительно безотказно с хрипом тикали. Естественно, что я их ни продать, ни пользоваться ими не мог. Надули меня ловкие жулики!

Потом уж я знал их всех наперечёт. И, кстати, один из этих „часовщиков“ после войны до самой смерти работал настоящим часовщиком в Копейске и со мной всегда здоровался. Значит, запомнил с базара! А один крупный карманник - тоже всегда, до последнего дня жизни, - здоровался со мной, и был он тогда каким-то высоким начальником. Тоже запомнил меня с базарных времён.

Были и ещё другие разновидности хлебных карточек: просачивались эти карточки на базар прямо из карточных бюро, чуть не из типографии. Безадресные и бесфамильные. Значит, находились деятели, умудрявшиеся пускать какую-то долю карточек прямо на чёрный рынок.

Понятно дело, цена карточек зависела от способа их поступления на рынок: „честные“ карточки ценились дороже. „Подпольные“ - дешевле. Но и купить „честные“ было сложнее.

Помог мне Маллер, конечно, не только, ссудив деньгами на первых порах, но и введя в какой-то круг базарных делег, кого-то показав, с кем-то познакомив. Обучил начальным тонкостям, подсказал настоящие цены, научил торговаться, находить оптимальное решение. Все мы, подавляющее большинство, торговцы и покупатели, были жуткими оборванцами и внешне трудно было догадаться, что под нашими драными пиджаками и промасленными фуфайками скрывались по тогдашним понятиям изрядные суммы денег и иных ценностей (карточки ведь тоже были ценностью!).

Практически почти всё свободное от работы и минимального сна время приходилось проводить на базаре, в огромной тесной толпе всяких оборванцев: горожан, продающих разные шмотки, колхозников с молоком и другими скудными предметами питания и овощами, бабами и мальчишками, торгующими иногда обыкновенной питьевой водой в летнюю жару. А летом была жара страшная! И жажда тоже.

Тут было всё: платья, обувь, ржавые гвозди, шляпы, облигации, ключи, „жвака“ (жвачка), хлеб, самодельные расчёски, водка, книги, допотопные газеты, мыло, часы - всё, что душе угодно.

В этом хаосе честных продавцов, мошенников, карманников, спекулянтов, зрячих и слепых слепцов, распевających песни не только под гармонь, но и „в сухую“, безногих и безруких инвалидов с фронта, оборванных и чумазных мальчишек ФЗУ-шников - в этом хаосе надо было суметь разглядеть и найти свой „товар“, почти незаметно его приобрести с постоянным риском нарваться на какой-нибудь трюк.

Но не надо забывать, - это я хорошо знал - что тут же среди нас шныряли и представители милиции и Горотдела, в такой же неприметной одежде, охотясь за преступниками и, кстати, за нами, ссыльными немцами, которые не имели никаких документов и права появляться в городе. Но некоторые всё-таки умудрялись же это делать! И их вылавливали, часто по немецкому акценту и плохому русскому языку.

Однажды попался и я. Это было жарким летом. И прихватил меня какой-то мужик, потребовавший от меня документы:

- Да я тут в Спецконторе рядом работаю...
- А чего на базаре делаешь?
- Да вот забежал на минутку.
- Ладно, пошли со мной. В Горотделе разберёмся.

Повёл он меня в какую-то комнатуху в базарной конторе. Там уже было полно разного пацанья. Сдал он меня дежурному и сам снова ушёл на базар.

Сидел я, сидел - как отсюда выбраться? Говорю дежурному:

- Дай, мужик, я попью схожу - жарко больно.
- А ты сбежишь!
- На, я тебе фуражку оставлю.
- А на фига мне твоя фуражка?
- Ну возьми десять рублей. Попью, вернусь - отдашь.
- Ну, валяй, иди! - говорит мне дежурный, беря десятку.

Я в дверь, а там уж - поминай меня, как звали!..

Должен признаться, что мои „хлебные“ махинации, которыми я занимался несколько лет, все прошли удачно. Я ни разу нигде не промазал и потерь не имел. Сам удивляюсь: это вам не часы со швейцарским механизмом или покупка сапог! Тут уж я был „пас“ - подсунули мне сапоги, понравившиеся мне. Были они на вид кожаные, и только дома я распознал, что это не кожа, а какой-то заменитель, почти что бумага - сапоги вскоре разлезлись.

Итак, первый этап: приобретение карточек. Второй этап тоже имел свои сложности. Дело в том, что хлебные карточки после их законного нормального получения „прикреплялись“ к определённому хлебному магазину. Теперь хлеб можно было выкупать только здесь.

Для прикрепления карточек на них имелся специальный талон – „прикрепительный“, который отрезался и оставался в магазине. При этом на основной карточке ставился штамп магазина с его номером.

Карточки можно было купить разные: чистые с прикрепительным талоном - с ними никаких проблем, со штампом прикрепления к какому-то магазину Бог знает где и совершенно случайно со штампом нашего центрального хлебного магазина № 35. В те времена в Копейске слова «булочная» ещё не существовало.

Сейчас уже, конечно, никому и невдомёк, что находился он на задворках сегодняшнего Дворца пионеров - наш знаменитый «хлебный магазин», в простонаречье просто „тридцать пятый“ - в проулке, соединявшем улицу Ленина с улицей Борьбы, которого давно уже не существует.

Чаще всего карточки были из чужих магазинов. Теперь их надо было срочно „прикрепить“ к магазину № 35. Для этого мною было разработано несколько приёмов. У Маллера проблемы с „прикреплением“ не существовало: он имел всюду крупные знакомства, подкрепляемые, естественно, различными взаимными услугами.

Первое, что я придумал: я складывал стопку карточек - у меня их, понятно, было много - так, чтобы последней была моя собственная с законной печатью „Магазин № 35“ и скалывал их скрепкой. При существовавших тогда бесконечных очередях и толкотне продавщица спешила и всех карточек не проверяла - не всегда, во всяком случае. Был шанс „пройти“. Но риск оставался. Если при проверке оказывались чужие карточки - по ним хлеба не выдавали.

Систему пришлось усовершенствовать. Тут я придумал ещё один способ: осторожно приклеивал к обороту карточки кусочек старого корешка карточки прошлого месяца со

штампом, „запачкав“ дополнительно искусственно оборотную сторону карточки. Но и это было кропотливо и недостаточно надёжно.

Тогда мне удалось приспособиться подделывать штамп прикрепления. Это была вершина моего творчества. Сейчас уже и не могу точно описать технику этого дела.

А тут мне совершенно неожиданно помогло одно непредвиденное обстоятельство, само по себе не из приятных. Было это так.

Однажды я стоял как обычно в бесконечной очереди за хлебом в битком-набитом людьми магазине. И тут продавщица, увидев мою забинтованную руку, громко на весь магазин заявила:

- Вы что в очереди стоите? Инвалидам войны мы отпускаем без очереди. Проходите сюда! Граждане, пропустите его!

Я не стал её разубеждать и получил хлеб без очереди.

С тех пор я не только стал проходить прямо к прилавку, точнее, протискиваться к нему из дверей, но и продемонстрировав свою забинтованную руку всем остальным продавщицам. Так что вскоре все они знали меня в лицо. Я стал с ними здороваться, даже на улице. И стал у них „своим“ человеком. Даже когда через несколько месяцев повязку у меня сняли, я уже без внешних признаков „инвалидности“ продолжал пользоваться иллюзорным правом в очереди не стоять. А ведь иной раз приходилось стоять часами!

Помню, раз, протолкнувшись с трудом к весам, я сунул через голову свои карточки продавщице. И тут толпа грозно загудела.

- Вы что шумите? - отпарировала продавщица. - Мы его давно знаем, он инвалид.

Пришлось идти и на такое. Вдуматься внимательно - мы ведь тогда по 12 часов работали - на всё остальное оставалось совсем мало времени. А всё надо было успеть сделать.

Итак, торговля хлебом состояла из трёх этапов. Первый предполагал скупку карточек, второй - их отоваривание хлебом, а уж третьим этапом был сбыт самого хлеба.

Продать его надо было по возможности с большей выгодой, а для этого приходилось постоянно следить за колебаниями цен. Иной раз даже в течение дня. Выкупленный в хлебном магазине хлеб назывался здесь „булкой“ - понятия „булка“ в смысле батона, т.е. белого хлеба, в Копейске тогда вообще не существовало. Вот и бежишь с этой булкой - буханкой! - на базар в наиболее подходящий момент. А цена этой буханки менялась постоянно. То утром дороже, то вечером. Промажешь, упустишь время - твой доход снижается. Убытка никогда не было, хлеб в любом случае был дороже карточек. Но величина прибыли колебалась.

Денежное моё состояние из месяца в месяц росло. С Маллером я уже давно рассчитался. Жил я очень скромно, никаких себе излишек не позволял, младшая сестра просила забрать её к себе из Ташкента, на это потом понадобятся деньги - и я копил.

В то время столовой Спецконторы заведовала некто Римма Зайцева, еврейка из Белоруссии. Муж её был на фронте. Молодая интересная женщина лет тридцати или чуть меньше была в хороших отношениях с Володей Маллером. Ясно, что дело было не просто в личной привязанности: были «дела».

Через Маллера я сблизился с Риммой, женщиной очень хорошей, доброй, весьма доброжелательно относившейся ко мне до конца нашей совместной работы - она уехала домой вскоре после окончания войны.

Мне хотелось бы и тут сразу поставить точки над „i“, чтобы не возникли потом какие-нибудь предвзятые мнения.

Сменившая Римму новая заведующая Вера Владимировна Астафьева - русская, жена инвалида Отечественной войны, нашего кассира, уважаемого члена партии, великолепнейшего человека с душой и сердцем - так вот, эта Вера Владимировна через несколько лет работы в столовой была привлечена к уголовной ответственности за грандиозную растрату и хищение, выжавшиеся в сотнях тысяч рублей - полмиллиона или в этом роде.

Рассказы о её проделках долго потом смаковались по всему городу. Ну, например, говорилось, что любовники купали её в ванной с шампанским.

Дали ей 25 лет, которые она отсидела, если и не все, то почти. Встречался я с ней на улице после её заключения, видел не раз, здоровались.

А Римма Зайцева, учительница по профессии, ни любовников не имела, ни в шампанском не купалась. Была у неё младшая сестра, которая в институт поступила и училась в Челябинске. Необычайной красоты девушка - Бася. С неё бы только богинь писать. Для неё Римма и жила. Ради неё и ради маломальской своей жизни что-то и мошеничала. Ну и естественно, ради

начальства тоже. Иначе не бывает. Всякий доходный пост и сегодня обкладывается «налогом» сверху.

Так вот и здесь, в столовой Спецконторы, я выполнял некоторые услуги, за что получал и какую-то мзду. Нам, спецконторским трудягам, за хорошую работу выдавали особые талоны на „дополнительное питание“, которое мы получали в столовой. Такие талоны я получал регулярно. Разрешалось, собрав несколько талонов, „отovarить“ их в столовой продуктами. Многие так и делали, т.е. обмен талонов на продукты не мог никого удивить.

Завезти продукты в столовую с базы не составляло проблем. Понятно, Римма могла завезти и лишние. Но тут появлялась проблема вынести эти излишки продуктов из столовой. А это было уже непросто: кругом торчали и следили разные контроли, гласные и негласные.

И тут Римма отваливала мне пачку талонов на „дополнительное питание“, которые поступали в столовую от нас. Я эти талоны спокойно „отovarивал“ - уличить меня в чём-то было сложно.

Понятно, я старался это делать без лишних свидетелей, а буфетчица-раздатчица была участница этих махинаций „на паях“, и потому стесняться мне её не приходилось. Продукты я спокойно относил к себе домой.

А жил я в то время уже на „частной квартире“ у главного инженера Спецконторы Терёшкина, занимавшего небольшой одноэтажный домик рядом с работой. В нарушение всех положений того времени меня из немецкого общежития перевели на „частную“ квартиру - люди были хорошие, они мне всю жизнь помогали и помогают. Много хороших, очень добрых людей повстречал я в своей жизни. У Терёшкиных для меня была крохотная комнатуха, где стоял стол, кровать и большая печка, которой отапливались моя и соседняя комнаты.

Хозяин дома практически с утра до поздней ночи был на работе. А его отдельный маленький домик, как я уже писал выше, нуждался в стороже для жены и маленьких детей. Вот в таком качестве я и ушёл из нашего „клопятника“-общежития немцев в бывшем хомутнике на конюшне. Кстати сказать, было это совершенно незаконно. На частных квартирах нам, немцам, разрешили жить только в 1945 году, незадолго до окончания войны.

Ну а через мой дом в конечном итоге продукты попадали к Римме Зайцевой. Я относил их ей обычно вечером. Но бывали и более рискованные случаи выноса продуктов - на виду у всех. Сегодня сам себе удивляюсь - был я тогда на удивление отчаянным и бесстрашным человеком. Попадись я тогда - мне бы с лихвой засчиталось и то, что я „немец“ и „проклятый фашист“.

А что значит „на виду“? Входная дверь в столовую располагалась напротив кузницы, а главным кузнецом там был некто Давыдов - пренеприятнейший тип. Поскольку кузнецы постоянно выходили на улицу отдохнуть и подышать свежим воздухом, дверь столовой с их стороны почти всегда была под наблюдением. Очевидно, эта выгодная позиция и послужила причиной того, что Давыдова избрали в какую-то комиссию по народному контролю.. Вот он и наблюдал, стоя возле дверей кузницы. Но не надо забывать, что рядом с ним нередко стоял и молотобоец Маллер, который тоже наблюдал, только уже в мою пользу.

И я умудрялся на глазах этого Давыдова протаскивать из столовой то кусину мяса, то несколько килограмм крупы, то даже что-то в бидончике - водку или растительное масло - я уже толком всего не помню.

Но я хорошо помню, как однажды выйдя со своей ношей из столовой, я нарвался на Давыдова, что называется, грудь в грудь. Я набрался наглости даже постоять с ним и покалякать о том - о сём, прежде чем пойти дальше.

А приспособился я так. Было у меня ещё из Ленинграда длинное старенькое тогда уже зимнее пальто. Я продрал остатки кармана и подкладки для левой руки и, засунув в „карман“ руку, через дырку изнутри брал под пальто сумочку или даже двухлитровый бидончик - так и выходил на улицу и нёс свою поклажу домой.

Упомянутая выше буфетчица Валя, надо полагать, ожидала и от меня своей доли. Я прикидывался дурачком, пока она раз не попросила у меня одолжить 200 рублей. Я „одолжил“ и, естественно, возврата не дождался. Напоминаю, что зарплата у меня тогда была 310 рублей в месяц.

Бывал я не раз у Риммы дома и просто так. Сидели вечерами в домашней обстановке, беседовали, ужинали. Иногда ходили вместе с Маллером. Тогда умудрялись даже выпить чуток по рюмочке. Что для меня значили тогда эти „семейные“ вечера! Трудно себе даже и представить.

Раз у буфетчицы Вали всем гуртом побывали на каком-то торжестве. Понятно, что стол был далеко не военного времени, от яств всё ломилось. Да и винцом обижены не были. На манер „пир во время чумы“. Так что всяко бывало.

Слухи о моём „состоянии“ - а может, и способностях - неприметно расплзались по Спецконторе. Мой „авторитет“ постепенно рос. И немцы меня тоже стали замечать. Хотя, надо полагать, полного доверия у них я получить не мог, поскольку даже жил в особых условиях, в нарушение существующих, скажем, довольно жёстких законов. Это было явно подозрительно для них.

Задержки с выдачей зарплаты во время войны бывали довольно часто. Наверное, не реже, чем и потом. И большинство рабочих жило, что называется, „с колёс“. Денег на месяц не хватало. Последние дни перед зарплатой большинство перебивалось с трудом. Да и вообще что тогда была за зарплата? Продукты да хлеб по карточкам выкупить.

Начальником нашей Спецконторы был Виктор Александрович Перминов - крупный мужчина, атлет по комплекции, плечистый, высокий, с раскатистым басом. Ему не было тогда и сорока лет. С одной стороны, пьяница и бабник, а с другой - энергичный, волевой, хваткий делец и махинатор, но справедливый добрый человек, хорошо относившийся к нам, немцам, и по возможности помогавший нам.

И вот в очередной раз, когда уже не один день в банке не было денег, вызвал он Маллера и меня к себе в кабинет. Посадил нас на диван, поглядел внимательно и серьёзно сказал:

- Выручайте, ребята - аванс нечем выдавать! - Перминов сделал паузу. - А вы ведь знаете, есть у нас совсем безденежные, ко мне уже приходили. Доходят ребята. Дайте мне займы на пару дней.

- А сколько надо? - спросил Маллер.

- Ну сколько... Сколько сможете.

- Тыщ семь я дам. Хватит?

- Ну а ты, Роберт, сколько?

- Пять тысяч смогу, - отвечаю я.

- Хорошо, устраивает! Несите! Сейчас я кассира вызову - он вам расписки даст.

После обеда в Спецконторе очередь в коридоре, народ толпится. Я тогда ещё в общаге жил. Заглядывает кто-то ко мне:

- Роберт, иди - там аванс дают!

Фантастично! А ведь, наверное, об этом тоже никто не знал. Перминов умел держать язык за зубами. Так мы с Володькой Маллером помогли выдать аванс рабочим Спецконторы. Полу-мальчишка, зачуханный ссыльный немец из блокадного Ленинграда... За людей-то нас тогда никто не считал.

Как-то раз зимой в конце дня вызвал меня Виктор Александрович в свой кабинет:

- Робёрт! - Перминов называл меня всегда подчёркнуто с ударением на „е“. - Есть одно серьёзное дело. Ребятам в Коркино задержали зарплату. Надо бы сегодня вечерним поездом отвезти. Возьмёшься? - Виктор Александрович пронзил меня своим орлиным взглядом.

- Ну, почему нет? Можно, - ответил я, не моргнув.

- Ладно. Договорились. - Перминов позвонил секретарше. - Виктора Фёдоровича ко мне.

Через несколько минут к начальнику вошёл кассир Спецконторы, милый, мягкий, добрый человек, недавно вернувшийся с фронта инвалид.

- Виктор Фёдорович, подготовьте ведомость и зарплату коркинцам. И ко мне в кабинет.

Кассир ушёл.

- Значит, так, Робёрт. Иди одевайся. Никому ни слова. Придёшь ко мне, получишь деньги - и с Богом!

Я оделся потеплее, натянул своё выдавшее виды зимнее пальто и вернулся к Перминову. На столе лежали ведомости по выдаче зарплаты и стопка денег. Виктор Фёдорович готовил мне расписку. Денег было - точно уже не помню, тысяч 10-12. Пересчитав деньги, я расписался в расписке, кассир забрал бумажку.

- Иди, Виктор Фёдорович, всё в порядке! - сказал Перминов, отпуская кассира. - Робёрт, значит, так. Деньги мы завернём в бумагу. Теперь клади их во внутренний карман пальто. Так. А вот тебе финка на всякий случай. - Перминов достал из ящика письменного стола длинный нож с наборной пластмассовой рукояткой. - Вернёшься - отдашь лично мне. Понял? А теперь дуй на вокзал. Ни пуха!

Надо полагать, что об этой авантюре кроме нас троих никто не знал. Перминов был мужик умный.

Поезд на Коркино уходил поздним вечером, когда кончалась смена, наша, военная, 12-часовая. Это был рабочий поезд из нескольких старых пассажирских вагонов. Он останавливался на каждом разъезде и полустанке - у каждого столба. Старый паровоз пыхтел и сердито и истошно завывал на каждом повороте. Двигались чуть ли не пешей скоростью.

В вагонах было почти темно, только у входных дверей по обе стороны вагона в железнодорожных фонарях, висевших на стене, мерцали две свечки, да проводник подтапливал чугунную печурку.

На опущенных деревянных полках лежали какие-то чумазые люди в грязных засаленных фуфайках, кто дремал, кто переговаривался. И вот среди этой публики - неизвестно, кто они были - железнодорожники, рабочие с завода, шахтёры или просто тёмные личности с сомнительными занятиями, возвращавшиеся домой - среди них, забравшись на одну из полок под потолок, лежал и я с пачкой денег и финкой в кармане.

Поезд подолгу стоял на остановках, еле плёлся в чёрную зимнюю ночь. Сейчас я, конечно, не могу вспомнить своего состояния, но, по-видимому, именно поэтому - ярких впечатлений не осталось - можно судить, что я был довольно спокоен.

Наконец проводник объявил Коркино. Ехали, верно, не меньше часа. Выходил из вагона не я один. Сам в Коркино я был тогда впервые, а Виктор Александрович мне подробно объяснил, как искать участок Спецконторы и куда идти.

Так или иначе, мне пришлось спросить кого-то, как туда пройти со станции. А ведь была уже, в сущности, ночь. Тёмная зимняя ночь в глухом шахтёрском посёлке. Где-то в разрезе - тут уголь добывался открытым способом, прямо с поверхности - гулко перекликались гудками паровозы, вдали мелькали огоньки каких-то шахтовых построек. Станционные пути остались позади, заснеженные тропинки разбегались во все стороны и я шёл по ним тоже куда-то.

До конторки оказалось минут 15 ходу. Убедившись в том, что я пришёл по назначению - по примитивной вывеске на бараке - я понял, что двери все заперты и огней никаких не видно: все уже спят. Принялся барабанить в двери и наконец достучался.

Какой-то не то дежурный, не то сторож объяснил мне, что все спят. По моей просьбе разбудили начальника участка. Пришёл он ко мне заспанный, озадаченный. И тут я сообщил ему цель своего приезда, выложил бумаги и деньги. Получив расписку и место на нарах, я завалился на них со спокойной душой спать. Задача моя была выполнена.

Конечно, Перминов знал о нас больше, чем мы думали. Он должен был нас знать: он отвечал за нас. Не случайно было, что он вызвал меня раз к себе по весьма скользкому делу. Говорил Виктор Александрович густым сочным басом.

- Робёрт! - загремел он. - Дело есть! Садись. Почём водка на базаре?

- 425 рублей пол-литра, - отчеканил я, не задумываясь и не смутившись неожиданного вопроса, хотя водка стоила 450 и выше, смотря по обстоятельствам. Видно, базарная струнка, привнесённая Володей Маллером, во мне уже инстинктивно срабатывала.

- Ладно. Сможешь мне продать на базаре литров двадцать? - по-деловому продолжал начальник.

- Почему нет?

- Тогда отдашь мне по 400 рублей за пол-литра, остальное - за работу, - закончил сделку Перминов и тут же написал записку заведующей столовой Римме Зайцевой, чтобы мне отпустили 20 литров водки.

Водку я получил в огромной стеклянной бутылки и утащил домой прямо со склада, минуя столовую и соседство „председателя“ Давыдова.

Дома я водку разлил в бутылки и продавал по 440-450 рублей за штуку, как когда удавалось. Попутно замечу, что сам я не выпил и ста граммов из этих 20 литров.

Распродав бутылку, я явился с деньгами - как мы уговорились - к начальнику в кабинет. Там я отсчитал ему причитающуюся сумму.

- Всё верно, - пряча деньги, согласился Перминов. - Слушай, Робёрт, а ты меня всё-таки надул: я проверял, водка-то стоит 450 рублей.

- Виктор Александрович! Уговор дороже денег: я отдал Вам всё, на чём договорились.

- Да ладно уж, всё в порядке, - пробасил, ухмыляясь, начальник.

Если учесть, что я имел около 100 рублей дохода с каждого литра, барыш мой на этой операции составил около двух тысяч рублей. Это было самое доходное дельце в моей практике. Моя порядочность и честность - это не звучит кощунственно - трезвость и смелость создавали всё больший авторитет у „начальства“.

Володя Маллер сыграл свою роль в моей жизни. В принципе, безвозмездно. А что я мог ему сделать? Сам он ворочал тыщами.

Опубликовано в альманахе „Литературные страницы“ Литературного общества немцев из России, Бонн, 2007 г., ISBN 978-3-933673-51-8